

И.И. Мечников

Этюды оптимизма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
И11

И11 **И.И. Мечников**
Этюды оптимизма / И.И. Мечников – М.: Книга по Требованию, 2017. –
296 с.

ISBN 978-5-458-61172-5

ISBN 978-5-458-61172-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе къ третьему изданію.

Не указываетъ ли фактъ, что за короткое время понадобилось новое изданіе моихъ «Этюдовъ о природѣ человѣка» и этихъ «Этюдовъ оптимизма» на то, что среди читающей публики въ Россіи усилилась потребность въ чтеніи сочиненій общаго содержанія, основанныхъ на началахъ положительнаго знанія? Увеличеніе числа высшихъ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, переполненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ слушателями обоего пола, какъ бы подтверждаютъ это предположеніе.

Не служатъ ли эти явленія признакомъ того, что отрицаніе науки, витаніе въ сферѣ «космическаго чувства» и блужданіе въ поискахъ «богоискательства» уже отступаютъ на задній планъ?

Когда я писалъ книги, заглавіе которыхъ упомянуто выше, я обращался къ молодому поколѣнію въ надеждѣ, что высказанныя въ нихъ мысли послужатъ ему въ исканіи правды. Я былъ увѣренъ, что мои сверстники такъ или иначе установились въ своемъ міросозерцаніи и останутся глухи къ призыву *Ортобіоза*, но я думалъ, что молодыя силы онъ задѣнетъ за живое. Надежда эта однако же не оправдалась, и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ мы были свидѣтелями того, какъ молодые умы въ Россіи переходили отъ одного пути на другой, съ жадностью ища вѣрнаго направленія, но не находя его. Сразу они кинулись въ политическую борьбу въ ложномъ убѣжденіи, что Россія покажетъ міру новые пути общественнаго устройства, способнаго осчастливить всѣхъ и cadaго. Не подозревая, что изъ этого выйдетъ, они вызвали упорную и бурную реакцію, которая крушитъ все направо и налѣво, тоже видимо не отдавая себѣ отчета въ томъ, до чего это можетъ довести. Одна крайность вызвала противоположную крайность, и теперь всѣ спрашиваютъ гдѣ найти выходъ изъ такого положенія. Въ виду этого подвергли критикѣ рѣшительно всѣ основы. То, что прежде казалось неизмѣннымъ, подверглось самому полному разрушенію. Досталось при этомъ и наукѣ, основанія которой были

признаны черезчуръ шаткими. При такихъ условіяхъ воспрянуло все, что въ туманныхъ иллюзіяхъ надѣялось найти болѣе прочную опору для поведенія. Отсюда исканіе новыхъ религіозныхъ и философскихъ ученій, попытки посредствомъ непровѣрпной интуиціи постигнуть истину, которую не въ состояніи разоблачить научное знаніе. Рядъ поспѣшныхъ и полныхъ энтузіазма исканій въ области политики, философіи и религіи привели, повидимому, къ полному разочарованію, по крайней мѣрѣ со стороны многихъ передовыхъ умовъ. Отсюда небывалое прежде въ Россіи отрицаніе жизни и учащеніе самоубійствъ, особенно среди молодежи. Во многихъ черезчуръ краткихъ газетныхъ сообщеніяхъ объ этомъ печальномъ явленіи указывается на отсутствіе смысла жизни какъ на причину самовольнаго прекращенія ея. «Надоѣло жить», «жизнь не имѣетъ смысла», «не вижу никакой цѣли въ жизни», такъ объясняли въ предсмертныхъ запискахъ юноши свое безвозвратное рѣшеніе. Насколько я знаю, еще недостаточно подведены итоги самоубійствъ въ Россіи, быстроты ихъ учащенія и причинъ, ихъ вызывающихъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, на первомъ мѣстѣ въ числѣ послѣднихъ находится злоупотребленіе спиртными напитками. Но почему алкоголизмъ сталъ больше, чѣмъ прежде, вести къ самоубійствамъ? Не потому ли, что люди, стоящіе на болѣе низкой ступени развитія, разочаровавшись въ надеждахъ на введеніе въ Россіи социалистическаго общественнаго строя и на обладаніе полнымъ счастьемъ, стали усиленно пить и рѣшили, что при сложившихся условіяхъ не стоитъ жить? Среди лицъ, находящихся на болѣе высокой степени развитія, въ Россіи и раньше проявлялось усиленное стремленіе топить горести будничной жизни въ винѣ и притомъ въ размѣрахъ, не встрѣчающихся въ Западной Европѣ. Примѣры, подобные Альфреду Мюссе и Верлэну, во Франціи составляютъ исключеніе среди пишущей братіи, въ Россіи же они гораздо многочисленнѣе. Послѣ всѣхъ испытанныхъ неудачъ, не находя «смысла» и «цѣли» жизни, быть можетъ, не малое число такихъ представителей высшаго слоя умственно развитыхъ людей рѣшили лучшимъ покончить съ жизнью.

Мнѣ пришлось въ теченіе моей уже долгой жизни не разъ сталкиваться съ вопросомъ: «быть или не быть», и потому я считаю себя въ правѣ сказать свое слово. Я убѣжденъ, что трагическое рѣшеніе столь многихъ молодыхъ силъ, которыя могли бы въ свое время принести большую пользу людямъ, зависитъ въ значительной степени отъ ихъ незнанія того основнаго закона душевнаго развитія, по которому смыслъ и цѣль жизни познаются не въ ранней молодости, а въ болѣе позднемъ возрастѣ. Подобно тому какъ

отроки и отроковицы не сознають «смысла» и «цѣли» ихъ половыхъ органовъ, нормальное отправленіе которыхъ можетъ совершаться лишь въ болѣе поздній періодъ ихъ развитія, такъ и молодые люди еще не доходятъ до пониманія истиннаго назначенія человѣческой жизни. Предлагаемые читателю въ новомъ изданіи «Этюды оптимизма», равно какъ и выпущенные раньше «Этюды о природѣ человѣка» стараются дать по возможности полный отвѣтъ на этотъ вопросъ, отмѣтивъ постепенность развитія душевныхъ способностей человѣка и сравнительно позднее, къ сожалѣнію нерѣдко слишкомъ позднее, развитіе «инстинкта жизни», который безъ объясненій даетъ чувствовать смыслъ и цѣль существованія. Мнѣ кажется, что приведенные мною примѣры пессимистовъ въ молодости, сдѣлавшихся оптимистами въ зрѣлыхъ годахъ (къ числу которыхъ принадлежитъ и авторъ этихъ строкъ), способны навести на полезное размышленіе многихъ молодыхъ людей, ставящихъ себѣ роковой вопросъ о жизни. Я горжусь тѣмъ, что на одного очень выдающагося ученаго, какъ я узналъ, чтеніе моихъ «Этюдъ» произвело благотворное дѣйствіе, и мечтаю объ увеличеніи числа такихъ примѣровъ.

Нѣкоторымъ читателямъ показалось, что слишкомъ выдающаяся роль гигиены въ моихъ повѣствованіяхъ объ Ортобіозѣ низводитъ жизнь на низшую ступень, точно рѣчь идетъ о грубомъ эгоизмѣ, направленномъ къ уходу за собственной персоной. Но стоитъ только подумать о томъ, насколько сохраненіе собственнаго здоровья и силъ физическихъ и умственныхъ драгоцѣнно для окружающихъ, а также о томъ, до чего полезны заботы о здоровьѣ и сохраненіи умственныхъ и физическихъ способностей этихъ окружающихъ (будутъ ли то собственныя или чужія дѣти, родные, друзья, одноплеменики, единомышленники или даже люди вообще), чтобы отказаться отъ пониженія гигиеническихъ мѣропріятій. Быть можетъ совѣтъ: «не печитесь о томъ, что будете ѣсть и пить; ни о своемъ тѣлѣ, чѣмъ будете одѣты» (Мат. VI, 25) и кажется кому-нибудь болѣе идеальнымъ и возвышеннымъ, чѣмъ совѣты о пищѣ и одеждѣ, основанные на рациональной гигиенѣ, но врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что будущее принадлежитъ послѣднимъ. Какъ это ни печалитъ несправимыхъ идеалистовъ, но жизнь, основанная на разумныхъ данныхъ, становится менѣе поэтической и живописной. Разбойники поэтичнѣ охранителей порядка и соломенные крыши живописнѣе желѣзныхъ и цинковыхъ, а благоустроенныя зданія по красотѣ несравненно прозаичнѣ развалинъ; тѣмъ не менѣе и разбойники, и соломенные крыши, и развалины становятся все болѣе рѣдкими. Нужно имѣть въ виду, что слѣдованіе правиламъ ортобіоза не

только не несовмѣстимо съ проявленіемъ высшихъ способностей человѣческой души, но что, наоборотъ, оно ихъ въ высшей степени облегчаетъ. Легко себѣ представить будущее, когда люди, отъ которыхъ будутъ устранены волненія и безпокойства изъ-за благополучія ихъ самихъ, ихъ близкихъ и всѣхъ, кто ихъ интересуется, смогутъ предаться съ ненарушенной энергіей культу науки и искусства.

Справедливо и то, что основанія Ортобіоза еще далеки отъ совершенства. Недостаточность гигиеническихъ данныхъ и часто непреодолимые затрудненія въ борьбѣ противъ болѣзней, старости, смерти и другихъ золъ, способны подчасъ привести въ отчаяніе и самаго закоренѣлаго оптимиста, но не слѣдуетъ забывать, что эти бѣдствія преходящи. Наука преодолѣетъ ихъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, которое увидитъ торжество ортобіоза въ его приложеніи къ личной и общественной жизни.

Ил. Мечниковъ.

Saint Léger en Yvelines.

11 июля
28 июня 1913.

Предисловіе ко второму изданію.

Вскорѣ послѣ выхода третьяго изданія моихъ «Этюдовъ о природѣ человѣка» появилась надобность и во второмъ изданіи «Этюдовъ оптимизма». Это обстоятельство, рядомъ съ другими, несравненно болѣе крупными и важными, повидимому, указываетъ на то, что въ Россіи послѣ бури наступила потребность серьезнаго и спокойнаго обсужденія главнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго существованія.

Недавняя попытка снова взволновать руссiйское юношество и отвлечь его отъ научной работы не увѣнчалась успѣхомъ: и аудиторіи, и лабораторіи остаются переполненными молодежью, жадно ищущей знанія.

Я живо помню то время, когда въ русскихъ университетахъ боролись два теченія. Это было въ первое время царствованія Александра второго. Подъ вліяніемъ Запада въ Россіи пробудилось усиленное стремленіе къ наукѣ. Въ ней предполагался ключъ къ разрѣшенію всѣхъ основныхъ задачъ, волнующихъ людей. Многіе изъ юношества съ жаромъ бросились на изученіе главнымъ образомъ естественныхъ наукъ. Но рядомъ съ этимъ обрисовалось и стремленіе къ политической дѣятельности. Въ университетахъ и даже въ гимназіяхъ усердно распространялись запрещенныя сочиненія и молодежь призывалась къ усиленной пропагандѣ. Мнѣ самому пришлось стать лицомъ къ лицу съ этимъ теченіемъ, и я помню, какъ, будучи шестнадцатилѣтнимъ юношей, еще не кончивши гимназическаго курса, я получилъ письмо изъ-за границы съ внушеніемъ никоимъ образомъ не соглашаться на провозглашеніе конституціи въ Россіи, а немедленно требовать республики.

Убѣжденіе въ томъ, что занятіе положительной наукой можетъ принести больше пользы Россіи, чѣмъ политическая дѣятельность, отвернуло меня отъ послѣдней. Пребываніе за границей, гдѣ мнѣ пришлось стать очень близко къ главнымъ источникамъ политической агитаціи русскихъ революціонеровъ, еще болѣе утвердило меня

въ моемъ убѣжденіи. Съ тѣхъ поръ прошло около полустолѣтія, и теперь легко сравнить плоды протекшей съ тѣхъ поръ научной и социально-политической дѣятельности. Рядомъ съ поразительными успѣхами положительнаго знанія, какъ въ области теоріи, такъ и въ сферѣ практическаго приложенія ея, стоитъ толченіе на одномъ мѣстѣ попытокъ созданія новаго общественнаго строя.

Повидимому, борьба между двумя теченіями умственной жизни теперь серьезно склонилась въ пользу науки. Но слѣдуетъ ли поэтому думать, что «цѣлью нашей дѣятельности должно быть исканіе истины и что послѣднее есть единственная цѣль, достойная первой», какъ провозглашаетъ *Пуэнкаре*? Мысль свою онъ поясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что прежде всего мы должны стремиться къ облегченію человѣческихъ страданій, но зачѣмъ? Отсутствие страданій составляетъ лишь отрицательный идеалъ, котораго всего вѣрнѣе можно бы было достигнуть уничтоженіемъ вселенной. Если мы стремимся все болѣе и болѣе освободить человѣка отъ матеріальныхъ заботъ, то это дѣлается для того, чтобы онъ могъ употребить завоеванную свободу для изученія и созерцанія истины» (*La valeur de la science*, стр. 1). «Истины нечего бояться, такъ какъ лишь она одна прекрасна» (стр. 2).

Но что такое «истина» по опредѣленію знаменитаго французскаго физико-математика? Прежде всего онъ подъ этимъ разумѣетъ «истину научную; но я имѣю въ виду,—говоритъ онъ,—и нравственную истину, однимъ изъ видовъ которой является то, что называютъ справедливостью» (стр. 2).

Эти обѣ истины не могутъ быть разъединены. «Нравственность и наука имѣютъ каждая свою собственную область; обѣ онѣ соприкасаются, но не проникаютъ другъ друга» (стр. 3). Поэтому, думаетъ *Пуэнкаре*, «не можетъ быть безнравственной науки, равно какъ не можетъ существовать и научная нравственность». «Если науки бояться, то это главнымъ образомъ потому, что она не можетъ дать намъ счастья. Это очевидно такъ: наука дѣйствительно не можетъ намъ дать его, такъ что можно поставить вопросъ, не страдаютъ ли животныя меньше, чѣмъ человѣкъ?» «Человѣкъ не можетъ быть счастливъ благодаря наукѣ, но въ настоящее время онъ еще менѣе можетъ быть счастливъ безъ нея» (стр. 4). Слѣдовательно, наука даетъ все-таки счастье, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, если безъ нея счастье невозможно. Если къ тому же она облегчаетъ человѣчество отъ страданій, какъ признаетъ и *Пуэнкаре*, то роль ея становится еще болѣе важной. Это облегченіе вовсе не слѣдуетъ считать лишь «отрицательнымъ идеаломъ», какъ полагаетъ знаменитый математикъ. Отсутствие страданій, то-есть пользованіе

полнымъ здоровьемъ, составляетъ очень положительное благо, которое все болѣе и болѣе чувствуется съ годами и которое составляетъ основное условіе пользованія другими благами. Поэтому столь часто высказываемое и повторяемое *Пуэнкаре* положеніе, что наука не можетъ дать намъ счастья, не должно быть принято какъ общее правило. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаніе, будучи безпомощнымъ въ настоящемъ его видѣ, можетъ стать источникомъ несчастья; но легко усмотрѣть, что это состояніе лишь временное, которое должно измѣниться, когда наука достигнетъ большей степени совершенства.

Не вѣрна также и та, сдѣлавшаяся почти общепринятой, мысль, что животное счастливѣе человѣка. Вопросъ этотъ, разумѣется, очень трудно рѣшить сколько-нибудь положительно, такъ какъ нѣтъ возможности точно сравнивать чувства и ощущенія животныхъ и человѣка. Но можно сравнивать различныя чувства и ощущенія самого человѣка. При этомъ оказывается, что у многихъ людей счастье, доставляемое наукой и рѣшеніемъ научныхъ задачъ, неизмѣримо выше счастья, на которое способны животныя и которое доставляется имъ чувствомъ утоленія голода и другихъ потребностей.

Сознаніе неизбежности смерти, котораго лишены животныя и которое такъ часто дѣлаетъ людей несчастными, есть зло поправимое и именно благодаря наукѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что она научитъ жить сообразно принципамъ ортобіоза и доведетъ жизнь до момента наступленія инстинкта естественной смерти, когда не будетъ страха предъ неизбежностью конца.

Наука можетъ и должна въ будущемъ даровать людямъ счастливое существованіе. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы исканіе истины было единственной цѣлью нашей дѣятельности, какъ думаетъ *Пуэнкаре*. Когда наука обезпечитъ человѣчеству нормальный циклъ жизни, когда люди забудутъ большинство болѣзней, подобно тому какъ они могутъ не тревожиться теперь изъ-за чумы, холеры, дифтерита, бѣшенства и другихъ бичей, до послѣдняго времени угрожавшихъ имъ, тогда на первый планъ еще болѣе, чѣмъ теперь, выступитъ исканіе удовлетворенія высшихъ потребностей душевной жизни. Но на ряду съ исканіемъ знанія ради высшаго наслажденія, то-есть на ряду съ «наукой для науки», человѣчество еще болѣе теперешняго будетъ искать счастья въ наслажденіи всяческой красотой, то-есть въ «искусствѣ для искусства».

Но для достиженія подобнаго идеала, предвидимаго въ будущемъ, необходимо прежде всего рационально обосновать нормальное естественное существованіе, ради котораго трудится положительная наука. Можно надѣяться, что достиженію этой цѣли будетъ

посильно содѣйствовать ученію, излагаемое въ предлагаемой читателю книгѣ. Являясь дальнѣйшимъ развитіемъ «Этюдъ о природѣ человѣка», эти «Этюды оптимизма» касаются многихъ подробностей біологическаго міровоззрѣнія.

Со времени перваго изданія этихъ очерковъ добыто было нѣсколько новыхъ данныхъ, которыя подтверждаютъ высказанныя въ нихъ положенія. Это потребовало не мало измѣненій въ первоначальномъ текстѣ. Но, кромѣ того, появились и возраженія, требующія отвѣта. Между ними первое мѣсто занимаетъ брошюра *Рибберти* о естественной смерти, въ которой авторъ старается опровергнуть мою теорію старческихъ измѣненій тканей и участія въ ней макрофаговъ. Разбору этихъ возраженій я долженъ былъ посвятить цѣлую главу этой книги.

Я думалъ сдѣлать то же и по поводу брошюры, напечатанной бывшимъ земскимъ врачомъ *К. К. Толстымъ* подъ заглавіемъ «Корни безпросвѣтнаго пессимизма» (С.-Петербургъ, 1909 г.). Въ ней авторъ разбираетъ поглавно мои оба сочиненія, и пунктъ за пунктомъ старается опровергнуть высказанныя въ нихъ положенія. Авторъ имѣлъ любезность прислать мнѣ экземпляръ своей брошюры, снабдивъ ее надписью, въ которой онъ характеризуетъ свою критику «серьезною». Въ виду этого я прочиталъ ее до конца и считая нужнымъ отвѣтить на сдѣланныя мнѣ возраженія.

К. К. Толстой выбралъ эпиграфомъ ссылку изъ «Машфреда» *Байрона*, что «древо познанія не есть древо жизни». Слишкомъ проникнутый этой мыслью, мой критикъ очень нецеремонно обращается съ данными науки и часто обнаруживаетъ незнаніе ся. Для примѣра приведу его утвержденіе объ общихъ клоакахъ у полиповъ и сифонофоръ (стр. 145), что совершенно не соответствуетъ дѣйствительности: такихъ клоакъ у этихъ животныхъ не существуетъ. Мною онѣ были упомянуты по отношенію къ сложнымъ асцидіямъ, то-есть къ животнымъ, далеко отстоящимъ отъ полиповъ и сифонофоръ. Столь же не вѣрно смѣшеніе кишечныхъ ядовъ съ птомаинами, котораго, разумѣется, нельзя нигдѣ найти въ моихъ книгахъ. Я привожу эти ошибки моего критика не въ качествѣ придирки къ его учености, а какъ образчикъ небрежнаго отношенія къ предмету, о которомъ онъ пишетъ. Эта небрежность проявляется у него на каждомъ шагѣ и притомъ по отношенію къ вопросамъ, имѣющимъ гораздо большее значеніе, чѣмъ общія клоака.

Вотъ, напримѣръ, вопросъ о естественной смерти, одинъ изъ наиболѣе существенныхъ изъ числа трактуемыхъ въ моихъ этюдахъ теоретическихъ вопросовъ. Мой критикъ приписываетъ мнѣ совер-

шенно нелѣпую мысль,—будто естественная смерть «безпричинна» (стр. 82, 120), и возражаетъ на это: «можно ли допустить смерть безпричинную?» и поучаетъ: «безъ всякихъ причинъ смерть послѣдовать не можетъ». Само собой разумѣется, что я не только нигдѣ не заикался о возможности безпричинной смерти, но даже не могъ и думать о чемъ-либо подобномъ, до того это идетъ въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ и со всѣмъ моимъ міровоззрѣніемъ. Критикъ или невнимательно прочиталъ мои сочиненія, или же не понялъ сказаннаго мною. Первое предположеніе мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ я сколь возможно ясно изложилъ свои мысли. Оно подтверждается также другими его разсужденіями о моей теоріи естественной смерти. Такъ, напр., онъ мнѣ приписываетъ утвержденіе, будто «естественная смерть растений обусловливается издержаніемъ всѣхъ органическихъ силъ, въ немъ заложенныхъ» (стр. 124), и даже приводитъ въ подтвержденіе цитату изъ французскаго текста этихъ этюдовъ, а затѣмъ упрекаетъ меня въ противорѣчіи. Въ дѣйствительности же я говорю, что, несмотря на правдоподобность такого предположенія о причинѣ естественной смерти, оно не соответствуетъ дѣйствительности, и потому я отбрасываю его, а останавливаюсь на самоотравленіи организма. Понять это такъ легко и въ моей книгѣ мысль моя развита до того просто и ясно, что ошибку моего критика должно отнести къ небрежному его отношенію къ разсматриваемому предмету.

Продолжая свои разсужденія о естественной смерти, Толстой доходитъ до утвержденія, что «дѣйствительно умираютъ—у гусеницы то, что входитъ въ составъ куколки, у яйца—скорлупа, у жѣлудя—внѣшняя оболочка» (стр. 127). Мой критикъ, какъ видно изъ этой цитаты, не имѣетъ представленія о томъ, что дѣлается во время превращенія насѣкомыхъ, и считаетъ, что яйцевая скорлупа умираетъ, будто она когда-либо состояла изъ живыхъ частей, то-есть клѣтокъ или ихъ производныхъ, содержащихъ живое вещество—протоплазму.

Не лучше справляется мой критикъ съ задачей, когда дѣло касается не теоріи, а вопроса, имѣющаго практическое примѣненіе. По поводу моихъ указаній объ употребленіи въ пищу молочнокислыхъ бактерій для воспрепятствованія кишечному гніенію онъ постоянно колетъ мнѣ глаза утвержденіемъ, будто я всѣмъ и каждому совѣтую ѣсть «простоквашу» и дѣлаю это потому, что я «увлекся случайно попавшимъ ему на глаза пищевымъ веществомъ» (стр. 138). Въ дѣйствительности же я, наоборотъ, предостерегаю отъ продолжительнаго употребленія простокваши, такъ какъ въ ней, кромѣ полезныхъ молочнокислыхъ, встрѣчаются подчасъ и посторонніе не-

желательные микробы. Для избѣжанія послѣднихъ я совѣтую принимать чистыя молочнокислыя культуры въ прокипяченномъ молокѣ или въ стерилизованномъ солодовомъ отварѣ. Далѣе, несмотря на то, что я подробно объясняю, почему я даю такой совѣтъ, мой критикъ утверждаетъ, что «простоквашу» можно замѣнить другими такими же веществами, ни въ чемъ ей «не уступающими», напр., «сырыми фруктами, сидромъ, квасомъ, уксусомъ, даже легкимъ виномъ» (стр. 138). Но вѣдь, какъ я это достаточно развилъ въ своихъ сочиненіяхъ, вопросъ не въ томъ, чтобы поглощать кислоты, такъ какъ онѣ, въ томъ числѣ и молочная, всасываются ранѣе, чѣмъ дойти до толстыхъ кишекъ, гдѣ именно онѣ и нужны для противодѣйствія гнилостнымъ бактеріямъ. Поэтому я совѣтую поглощать живыми молочнокислыхъ бактерій, которыя проникаютъ въ толстыя кишки, живутъ въ нихъ и мѣшаютъ гніенію. Правда, что мой критикъ и тутъ находитъ поводъ къ возраженіямъ. Онъ говоритъ, что «не извѣстно еще, въ какомъ видѣ доходятъ молочныя бациллы... до кишекъ». «Не погибаютъ ли въ желудкѣ сами» (стр. 137). Тутъ опять невниманіе и небрежное отношеніе. Я достаточно привелъ доказательствъ того, что молочнокислыя бактеріи безнаказанно проходятъ чрезъ желудокъ и встрѣчаются живыми въ содержимомъ толстыхъ кишекъ. Фактъ этотъ былъ подтвержденъ съ тѣхъ поръ нѣсколькими изслѣдователями. Сомнѣнія въ его дѣйствительности быть не должно.

Итакъ, вся критика моего лѣченія молочнокислыми бактеріями разрушается вполне. Но если г. Толстой такъ легко впадаетъ въ заблужденіе по поводу столь простыхъ и опредѣленныхъ вопросовъ, то что же должно быть относительно задачъ болѣе трудныхъ и сложныхъ! И въ самомъ дѣлѣ, во всемъ, что касается болѣе гипотетическихъ частей моихъ сочиненій, ошибки моего критика еще многочисленнѣе. По его мнѣнію, мой «этический очеркъ представляетъ собою довольно запутанный сборъ недодуманныхъ мыслей, недоказанныхъ утвержденій и неудачно выбранныхъ примѣровъ» (стр. 169). Я охотно возвращаю моему критику эту лестную для меня характеристику. Посмотримъ, насколько додуманы его собственные мысли и доказаны его утвержденія. Г. Толстой рѣшаетъ, что, по моему мнѣнію, «природа никакихъ цѣлей и намѣреній не имѣетъ» (стр. 180). Я нигдѣ, никогда ничего подобнаго не говорилъ и не думалъ. У меня сказано ясно для всякаго внимательнаго читателя: «Не имѣя понятія ни о цѣляхъ, ни о «мотивахъ» природы, я никогда не становился на метафизическую точку зрѣнія. Я не знаю, имѣетъ ли природа какой бы то ни было идеалъ и отвѣчаетъ ли ему появленіе человѣка на землѣ» (стр. 275 рус-